

УДК 81

ПРЕЗЕНТЕМА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛА КАК СПОСОБ ДИСКУРСООБРАЗОВАНИЯ И ДИСКУРСИВНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

(на материале глагольных лексем
из российского молодежного сленга)

Олянич Андрей Владимирович,

заведующий кафедрой иностранных языков,
Волгоградский государственный аграрный университет,
доктор филологических наук, профессор,
Волгоград, Россия,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается лексико-семантический феномен информативной насыщенности языковой единицы (глагола) в аспекте его участия в процессах дискурсообразования и дискурсоразвертывания, причем в той их части, где дискурс демонстрирует свои презентационные возможности применительно к кумуляции информации через формирование особых дискурсивных единиц – презентем. Обсуждается двоякая концептуальная ориентированность презентемы как знака, денотативно вводящего концепт в дискурсивный оборот, и как сущности, оценивающей этот концепт, тем самым программирующей сам ход дискурса.

Ключевые слова:

глагол, дискурс, знак, информативная насыщенность, концепт, кумулятивность, презентема.

Пожалуй, одним из самых плодотворных подходов к лексическому значению слова на рубеже веков стало понимание этого феномена как концентрата фоновых знаний и экспликатора когнитивных / культурологических концептов, передатчика знаний о культурном своеобразии народа, обусловленном историческими, географическими, психологическими факторами, состоящим в нюансах обозначения и понимания объективного и субъективного мира и отражающим не универсальные, а специфические характеристики материальной и духовной жизни народа [Воркачев, 1996; Воробьев, 1997; Гачев,

1988; Карасик, 2002; Степанов, 1997; Стернин, 1996; Wierzbicka, 1991 и др.].

Подобный подход плодотворен прежде всего потому, что он базируется на положении о существовании в сознании человека картины мира, концентрированно отражающей знания о мире, полученные Homo Sapiens в результате его жизнедеятельности. Человек же, выступающий в ипостаси Homo Loquens (говорящий), пользуется языком для экспликации базовой категории при построении картины мира – *ценностей*, которые в разных конфигурациях определяют культурный тип той или

иной общности и специфику национальных картин мира [Гуревич, 1984; Сиротинина, Кормилицына 1995].

Для хранения этих ценностей, коллективного опыта и культуры народа в языке заложена одна из важнейших его функций (наряду с *информативной и воздействующей*) – *кумулятивная*, которая реализуется, прежде всего, благодаря лексическому значению слова, обусловленному объективной действительностью: человек находится в центре объективной действительности, познает ее при помощи органов чувств, закрепляет представления о ней за языковым знаком. Эта деятельность протекает в его второй сигнальной системе и завершается фиксацией в назывных (номинативных) элементах, связываемых в цепочку элементами, обеспечивающими прочность этой цепочки (предикативные единицы) [Верещагин, Костомаров, 1980; Караулов, 1987; Комлев, 1981; Байбурич, 1988; Баранов, 1989].

Кумулятивность, информативность и суггестивность / манипулятивность (способность воздействовать / побуждать к действию) лексического значения слова – понятия, релевантные для настоящего исследования. Их объяснительная сила заключается в том, что они позволяют заявить о реализации в языке целой семантической категории – *информативной насыщенности лексических единиц*¹.

Информативная насыщенность – сложная семантическая категория, содержащая целый ряд характеристик, способствующих порождению и развертыванию дискурса. Предлагаемая научной общественности статья посвящена изучению этих характеристик через анализ семантики русских информативно-насыщенных глаголов из специфической сферы номинации – молодежного сленга.

Понятие информативной насыщенности появилось в лингвистических исследованиях в связи с целым рядом обстоятельств.

Вместе с понятием языковой номинации и в связи с поисками закономерностей между количественными (глубина семантического объема лексем) и качественными (смысловая

уникальность) различиями в семантическом содержании лексических единиц, разработкой теории лексико-семантического варьирования на передний план исследований выдвинулось предположение о способности лексических единиц к варьированию как результате усложнения содержательной стороны единицы [Литвин, 1988, с. 84], затрагивающего структурно-смысловые изменения в означаемом, в том, что стоит за звуковой оболочкой слова (формативом). Изучение процессов языковой номинации в русле теории лексико-семантического варьирования вызвало к жизни такие понятия, как «динамизм лексического значения» [Miller, 1951], «глубина семантического объема лексем» [Олянич, 1988], «степень неоднородности семантики лексем», «точность – приближенность номинации» [Гак, 1980; Сахно, 1983; Морева, 1988; Пристинская, 1988; Gove, 1957; Вайнрайх, 1970], «шкала неоднозначности» [Апресян, 1974].

В ряде психологических исследований, связанных с когнитивными особенностями, спецификой человеческого мышления и проекцией его на лексический уровень, отмечаются следующие обстоятельства.

Во-первых, мышление характеризуется селективностью запоминания фактов и событий, налагающей ограничения на объем памяти. Как отмечает Д. И. Слобин, запоминание подвергается изменениям, вызванным словесной формой кодирования: хранящаяся в памяти информация подвергается уравниванию и приобретает короткий и схематичный вид. Одновременно происходит уточнение деталей информации и ее ассимиляция в соответствии с некоторой схемой, стереотипом, экспектациями [Слобин, 1976, с. 175]. Дж. Миллер называет это явление схематизации запоминаемого «перекодированием информации в непосредственной памяти» и считает, что оно предельно: по мнению исследователя, количество «сгустков» информации может быть не более 7 ± 2 ; в противном случае мышление теряет свойство экономности и информация большего объема, уходящего за пределы этого «магического числа», забывается [Miller, 1951].

Исследователи обратили внимание на то, что данное свойство памяти – «глубина» – со-

¹ Понятия «информативная насыщенность» и «информативно-насыщенный глагол» введены Е. И. Шейгал и А. В. Оляничем [Шейгал, Олянич, 1988].

относится со словарем языка. Действительно, человек является творцом словаря и одновременно пользователем той информации, которая в нем сконцентрирована. Словарь в целом есть своего рода модель памяти; продолжая аналогию, можно представить лексическую единицу во всей совокупности ее вариантов как единицу запоминаемой информации с предельным числом «сгустков» – ЛСВ. Анализ словарей достаточно большого объема показывает, что наибольшее количество слов имеет как раз такое количество ЛСВ – от одного до 7 ± 2 [Олянич, 1988, с. 9–10].

Указанными выше особенностями мышления объясняется и такой факт: самые объемные по значению лексические единицы (мы имеем в виду не диапазон значения, а количество входящих в семантическую структуру слова лексико-семантических вариантов – ЛСВ) удерживаются в памяти носителей языка не полностью, а только в пределах «магического числа» Дж. Миллера, что убедительно доказывается результатами исследований частотности (см., например, данные частотного словаря-справочника, составленного Майклом Уэстом: наиболее частотны слова, количество ЛСВ у которых меньше или равно 7 ± 2).

Во-вторых, характерной чертой мышления является оперирование фактами и событиями в двух плоскостях.

Первая плоскость мыслительных операций своим существованием обязана многообразию явлений объективной действительности, которые в полном виде человек не в состоянии уместить в рамках его когнитивных возможностей. Как пишет В. Г. Гак, это явления «с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Наличие четкого ядра позволяет словесно обозначать любой объект, даже такой, для которого в языке нет особого наименования» [Гак, 1980, с. 50]. Речь идет, таким образом, о мыслительной категории **приблизительности**, которая обуславливает выбор говорящим соответствующей единицы – слова, лишь очерчивающего границы номинируемого понятия, но не конкретизирующего данное понятие, поскольку такая конкретизация была бы избыточной в ситуации общения, не требующей точности (говорящие «понимают», о чем идет речь).

Вторая плоскость – противочлен мыслительной категории приблизительности в оппозиции «точность :: приблизительность». Мыслительные операции в этой плоскости вызваны как раз необходимостью **точности** – «портретирования» явления, которую задает ситуация общения. Номинативные единицы, задействованные говорящим для словесного обозначения таких ситуаций, требующих точности, не могут быть приблизительными.

Оппозиция «точность :: приблизительность» была обнаружена У. Вайнрайхом при исследовании им стандартного и нестандартного использования языковых возможностей. Он обратил внимание на изменение «семантической речи»: в том случае, когда речь «...служит только для того, чтобы сигнализировать о наличии сочувствующего собеседника, язык «десемантизируется» в очень большой степени» [Вайнрайх, 1970, с. 169]. При этом говорящие задействуют такие лексические единицы, семантическое содержание которых подверглось «смысловому выветриванию» – слова-«почти-пустоты» (в терминологии самого У. Вайнрайха), или в современной терминологии – эврисеманты (широкозначные слова). Кроме того, в таких случаях используются и полисемантические лексемы. Стандартное использование языка предполагает извлечение коммуникантами из своего лексикона слов приблизительной номинации. При нестандартном языковом использовании задействуются слова точной номинации понятий. У. Вайнрайх называет их «шифрованными словами», относя их к плану речи. Такие «шифрованные» – «гиперсемантизированные» – слова встречаются и в плане языка. В качестве иллюстрации к сказанному приведем пример Д. Лича: если ситуация общения требует от коммуникантов некоторой информации, не нуждающейся в каком-либо уточнении, в ней реализуется ЛСВ многозначного слова или широкозначная лексема – *He cast a stone at the policemen.* – Он **бросил** камень в полицейских. В ситуации, требующей конкретизации характера действия либо описываемой говорящим в ином стилистическом регистре (разговорный, а не официальный стиль), используется ЛСВ узкозначного слова или моносемантическая лексема: *He chucked a*

stone at the cops. – Он запустил камнем в фараонов. [Лич, 1983, с. 123].

Оппозиция «точность :: приближительность» не имеет четкой демаркационной линии между своими противочленами. Исследователи отмечают разнообразные факторы, вызывающие к реализации в речи единицы с разной степенью точности / приближительности. Т.М. Пристинская указывает на существование объективных и субъективных факторов. К объективным она относит ряд событий и свойств действительности, которые могут проявляться с разной мерой, иметь усиленную / ослабленную степень интенсивности и могут поддаваться или не поддаваться точной номинации. Субъективный фактор складывается из коммуникативной компетенции говорящих (точность / неточность знаний, уверенность / неуверенность в достоверности передаваемой информации, стремление скрыть точную информацию и, наоборот, «выложить» ее целиком из эмоционального фона ситуации общения [Пристинская, 1988, с. 159].

Таким образом, может быть выстроена некоторая шкала, градуировка которой зависит от степени точности / приближительности номинации. Заметим, что эта степень коррелирует с глубиной смыслового объема лексем и *широтой / узостью* десигната языкового знака (в нашем случае – глагольного слова). Два последних параметра предполагают 1) наличие в смысловом содержании лексических единиц только обобщенных номинаций процесса, субъекта и/или объекта действия / состояния (и тогда речь идет о *широте* десигната); 2) присутствие или значимое отсутствие в семантике лексической глагольной единицы конкретизованных семантических компонентов образа действия или состояния, манеры, инструмента, эмотивных сем, сем различных типов оценки, имплицитно выраженное указание на наличие / отсутствие регистра применения того или иного лексико-семантического варианта лексемы (в этом случае говорят об *узости* десигната).

Корреляция глубины семантического объема лексем, точности / приближительности номинации и широты / узости десигната лексических единиц позволяет утверждать, что лексическая единица способна обладать

разной *степенью информативной насыщенности*. В этой связи важно обратить внимание на тот факт, что лингвистическим основанием для реализации информативной насыщенности является, прежде всего, глагольная номинация. Лексическое значение глагола оказалось смысловой сущностью, которая обладает уникальной способностью к накоплению, хранению и изменению семантических элементов, номинирующих действия, состояния, события и процессы.

На большую, по сравнению с другими частями речи, номинативную и синтагматическую ценность глагола указывал еще Вильгельм фон Гумбольдт: «Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь» [Гумбольдт, 1982, с. 199]. Эта метафорически выраженная идея поддержана всеми последующими поколениями языковедов: глагол признается «единственно возможным центром предложения» («ядром предложения») [Сильницкий, 1966; Чейф, 1975], коммуникативным центром высказывания – «вербальным узлом», держащим всю структуру [Tesnière, 1982], «макетом будущего предложения» [Кацнельсон, 1972, с. 83].

Номинативно-синтагматическая ценность глагола заключается в том, что его категориальное значение как части речи «отображает темпорально-динамический аспект объективной действительности, проявляющейся в различных последовательностях изменений, происходящих в той или иной сфере реального мира» [Сильницкий, 1986, с. 6].

И.В. Сентенберг отмечает ряд свойств, заложенных в значение глагола и способствующих успешному отображению темпорально-динамической картины мира: во-первых, это потенция к обобщенному обозначению ситуации и хранению сложного понятия о процессуальном признаке в его отношении к субстанции и другим признакам; во-вторых, – способность к сочетанию со словами, обозначающими субстанцию и признаки [Сентенберг, 1984, с. 16].

Лексическое значение глагола обладает высокой степенью вариативности при передаче информации о протекании, характере и направлении процесса. Оно может вбирать в себя как

самые абстрактные сведения о процессе (глаголы бытия и обладания), так и гиперконкретные признаки процесса. Последним свойством как раз обладают информативно-насыщенные глаголы-ситуации, являющиеся объектом нашего анализа. Дальнейшие исследования категорий точности – приблизительности, степени информативной насыщенности и их корреляции со шкалой неоднозначности, постулированной Ю. Д. Апресяном, позволили выявить базовый корпус глагольных лексем, отвечающих за точность портретирования процесса (действия или состояния). Такими лексическими единицами оказались олигосеманты – глаголы, относящиеся к категории малозначности (олигосемии), глубина семантического объема которых практически совпадает с магическим числом Миллера, а семантическая структура отличается четкой картинной фокусировкой номинируемого действия / состояния [Олянич, 1988].

Точное / приблизительное портретирование действия или состояния (процесса) на смысловом уровне приводит нас к предположению о реализации в языке весьма важной его функции – **презентационной**, сводящейся к когнитивному освоению той информации, которая стала доступной индивиду, и которую он собирается использовать в ответственных (коммуникативных) целях. В научный оборот, таким образом, вовлекается новое понятие – понятие **презентемы** – особой дискурсивной единицы.

Под презентемой предлагается понимать *мельчайшую информационную единицу воздействия, представляющую собой сложный лингвосемиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем как сугубо семиотически (тактильно – визуально), так и дискурсивно (преимущественно вербально).* В рамках предлагаемой презентационной теории речи (дискурса) презентема занимает центральное место и может быть обнаружена в любом виде и типе дискурса. Разумеется,

выделяемую единицу прежде всего следует считать эпистемологической единицей – инструментом лингвистического описания.

Естественным образом встает вопрос о предельности / непредельности и о воспроизводимости / невозможности выделяемой единицы дискурса. Поскольку под презентемой понимается единица воздействия, ее законченность может измеряться самим результатом воздействия – реакцией воздействуемого – и убежденностью воздействующего в том, что цель его воздействия достигнута (удовлетворение интенции воздействия). Специфика презентемы как комплексного знака состоит в его триадном характере: с одной стороны, это лингвистический знак или совокупность лингвистических знаков; с другой же – это коммуникативная единица, реализующая в речи (дискурсе) заложенную в нее информацию, когнитивно освоенную коммуникантом, ее передающим; третья сторона этого лингвосемиотического и коммуникативно-информационного образования – интенция воздействующего коммуниканта. Цельность презентемы как предельного и воспроизводимого в дискурсе сложного комплекса знаков разного качества определяется как раз наличием этой, онтологически важной для его существования, природы.

Полагая, что презентема – это прежде всего комплексный знак, базовым принципом ее выделения нам представляется именно *лингвосемиотический принцип*. Лингвосемиотический подход к выделению презентемы как эпистемологической единицы позволяет выявить группы образов, знаков и символов, находящихся между собой в определенных отношениях и соположенных друг с другом. Разные конфигурации самих знаков и разные связи между ними дают возможность типологизации.

Презентема представляется нам тем образованием, которое оказывается в центре пересечения сфер существования Homo Sapiens – концептосфере, культурно-ценностном пространстве и пространстве информационно-коммуникативном. Она является своеобразным результатом фильтрации когнитивной системой человека окружающей его среды, причем на выходе этого процесса возникает собственно коммуникация. Иначе говоря, пре-

зентема – это концепт плюс его знаковая экспликация, когнитивно освоенные говорящим и коммуникативно-апробируемые в дискурсе.

Человек сначала формирует представление о том, что его окружает, а затем формулирует это представление в вербально-визуальном образе, используя при этом свои языковые (фонологические, семантические, морфологические, синтаксические и прочие) средства. Действуя главным образом подсознательно, он отбирает при этом такие средства, которые максимально могут принести ему выгоду в коммуникации, т.е. способные произвести воздействие. Различные комбинации средств определяют различные типы презентем, и соответственно – разные по силе воздействия коммуникативные типы и жанры дискурса.

Лингвосемиотическая структура презентемы зиждется на концептуальном образе, упакованном в семантике ключевой лексемы, которая, в свою очередь, оказывается базой для процесса дискурсивного развертывания. Так, образ отличника-зубрилы является ядерным в смысловом содержании лексемы из школьного сленга *ботанеть* = *шутл.-ирон.* прилежно учиться, зубрить. – *Во мужик ботанеет – всего Пушкина прочитал!* [Никитина, 2003]. Презентема «интенсивное получение знания» точно портретирует коммуникативную ситуацию ироничной оценки субъекта этой ситуации и дает импульс для ее возможного дальнейшего развития: зубрилы никогда не вызывали одобрения школьного сообщества, поэтому возможно прогнозирование последующих ироничных и неодобренных высказываний, поддерживающих тон дискурса, заданный словоупотреблением, тем более, что другая презентема – презентема «ирония» – также побуждает это словоупотребление к дискурсообразованию.

Целая серия глагольных лексем из молодежного сленга² обладает презентационным потенциалом, определяемым совокупностью (иерархией) следующих презентем:

«знание» → «знание для посвященных» → «знание из иноязычной культуры» → «свой» → «чужой».

К таким лексемам относятся глагольные единицы молодежного компьютерного жаргона:

ангрейдить – обновить что-л., особ. программное обеспечение;

аржить – использовать архиватор в компьютерном деле;

вбануть – проверить программу на вирусы при помощи антивирусной программы;

глючить – работать со сбоями (о компьютере);

гамить – играть в компьютерные игры;

делать – удалять файл командой delete;

думать – играть в компьютерную игру Doom;

хакнуть – взломать компьютерную систему защиты файлов;

кликнуть – нажать на клавишу компьютерной мыши.

Презентационный потенциал семантики этих лексем конструирует для развертываемого на их основе дискурса коммуникативные ситуации погружения в мир, отличный от мира обыденного, мир «посвященных». В основе семантики данных лексем – образ кода, доступного только для посвященного. Это знаки идентификации оппозиции «свои – чужие», при этом сама оппозиция для русскоязычного дискурса оказывается перевернутой: «чужие» – представители русскоязычного социума, «свои» – те, кто понимает англоязычный базовый код.

Концептуальные образы действий, состояний, субъектов состояний и субъектов / объектов действий, упакованные в семантике сленгизмов, расставляемых в дискурсе, реализуют в нем свой презентационный потенциал и точно портретируют его динамику. Потребитель дискурса получает своеобразную сценическую картину, разыгрываемую перед его взором. Эта картина есть не что иное, как совокупность презентем. Молодежный сленг дает прекрасную возможность яркого восприятия этой театрализованной ситуации коммуникации. Так, в сленге сообщества молодых наркоманов широко употребляются следующие глаголы:

балбесить – оказывать наркотическое влияние на кого-л.;

балдеть – принимать наркотики и испытывать их воздействие;

² Глагольные лексемы для анализа отбирались из корпуса толкового словаря молодежного сленга [Никитина, 2003].

бодриться – находиться под воздействием наркотика, возбуждающего нервную систему;

бодяжить – 1) готовить, разводить жидкий наркотик; 2) смешивать анашу с табаком;

втюхать – выгодно продать наркотик; сделать инъекцию наркотика;

дербанить – собирать мак, коноплю;

концентрировать – испытывать дискомфорт, депрессию вследствие отсутствия наркотика, испытывать ломку.

В речи наркоманов получают дискурсивное развертывание такие презентемы, как «оценка состояния» («ощущение наслаждения», «ощущение дискомфорта»), «возбуждение», «изготовление наркотика», «видения в результате приема наркотика». Расставленные в дискурсе лексемы позволяют наблюдателю (клиенту дискурса) наглядно представить себе весь «наркотический театр» – от добычи наркотика (*дербанить*), его приготовления к употреблению (*бодяжить*), продажи (*втюхать*), картины потребления (*балбесить*, *балдеть*, *бодриться*) и картины последствий потребления (*концентрировать*).

Перечисленные презентемы, способствуя развитию специфического дискурса наркоманов, в то же время, оказываются базой для реализации «инодискурса» – дискурса наблюдателя-ненаркомана, негативно оценивающего весь процесс. Код «романтизации» приема наркотиков, обеспечиваемый все той же презентемой «посвященного», легко вскрывается «непосвященным», вследствие чего обнажается негативная оценка приема наркотиков и его последствий, также коннотативно присутствующая в семантике дискурсообразующих глагольных лексем и ощущаемая наблюдателем-ненаркоманом в связи со сниженным характером перечисленных словоупотреблений.

Таким образом, важной дискурсивной характеристикой презентемы следует признать ее двоякую концептуальную ориентированность: с одной стороны, презентема денотативно вводит концепт в дискурсивный оборот, а с другой – оценивает этот концепт, способствуя тем самым программированию самого хода дискурса. Иными словами, образ, погруженный в дискурс, вслед за его оценкой клиентами дискурса, провоцирует развитие коммуникативной

ситуации, порождая коммуникативные реакции, которые, в свою очередь, способствуют дискурсопорождению, а оценочный тип презентемы оказывается своеобразным «движителем» процесса дискурсообразования.

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

2. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Национальные стереотипы поведения. – М.: Наука, 1988. – С. 7–21.

3. Баранов А.Н. Аксиологическая стратегия в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74–91.

4. Вайнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. V. – С. 163–249.

5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. – 269 с.

6. Воркачев С.Г. Этносемантика паремий: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и английском языках // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 16–25.

7. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и метод). Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

8. Гак В.Г. Об использовании идеи асимметрии и симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантики романских языков. Материалы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию. – Калинин. – Калининский гос. ун-т. – 1980. – С. 4–51.

9. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Сов. Писатель, 1988. – 448 с.

10. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию (Серия «Языковеды мира»). – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.

11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.

12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: «Перемена», 2002. – 476 с.

13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

14. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение // Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – С. 9–86

15. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 192 с.

16. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: Высшая школа, 1984. – 119 с.

17. Лич Дж. К теории и практике семантического эксперимента // новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 108–132.

18. Морева Г.Г. Некоторые закономерности функционирования приблизительных номинаций во французском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц (из опыта изучения и преподавания иностранных языков). – Материалы межвузовской конференции. – Белгородский пединститут им. М.С. Ольминского. – Белгород, 1988. – С. 128–129.

19. Пристинская Т.М. Выражение значения приблизительности в современном немецком языке // Единство систем-

ного и функционального анализа языковых единиц (из опыта изучения и преподавания иностранных языков). Материалы межвузовской конференции Белгородского пединститута. – Белгород, 1988. – С. 159–162.

20. Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. – М.: Астрель – АСТ, 2003. – 912 с.

21. Олянич А.В. Глагольная олигосемия в современном английском языке (лингвистический статус и семантические характеристики). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 1988. – 280 с.

22. Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке // вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 29–36.

23. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола. – Учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1984.

24. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке // Учебное пособие к спецкурсу. – Смоленск, 1986. – 112 с.

25. Сиротинина О.Б., Кормилицына М.А. Национальные языковые и индивидуальные речевые картины мира // Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике / Под ред. Борухова Б.Л. и Седова К.Ф. Вып. 2 – Саратов: Изд-во СГПИ, 1995. – С. 15–18.

26. Слобин Д. Психолингвистика // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. – Общественные науки за рубежом. Философия и социология. – М.: Прогресс, 1976. – С. 19–215.

27. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

28. Стернин И.А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 13–21.

29. Чейф У.Л. Значение и структура языка (серия «Языковеды мира»). – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

30. Шейгал Е.И., Олянич А.В. Типы семантических перегруппировок при переводе информативно-насыщенных глаголов // Переводческие аспекты сопоставительных исследований. – Пермь, 1988. С. 45–55.

31. Gove P.B. Problems of Defining. – In: Shera J.H. et al. Information Systems in Documentation. – 1987. – N.Y. – P. 3–14.

32. Miller G.A. Language and Communication. – N.Y., 1951.

33. Tesnière L. Elements de Syntaxe Structurale. – Paris, 1982.

34. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka. – М.: Nauka, 1974. – 367 s.

2. Bajburin A.K. Nekotorye voprosy e'tnograficheskogo izucheniya povedeniya // Nacional'nye stereotipy povedeniya. – М.: Nauka, 1988. – С. 7–21.

3. Baranov A.N. Aksiologicheskaya strategiya v strukture yazyka (paremiologiya i leksika) // Voprosy yazykoznanija. – 1989. – № 3. – С. 74–91.

4. Vajnrax U. O semanticheskoy strukture yazyka // Novoe v lingvistike. – М.: Progress, 1970. – Vyp. V. – С. 163–249.

5. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. М.: Russkij yazyk, 1990. – 269 s.

6. Vorkachev S.G. E'tnosemantika paremij: сопоставитель'nyj analiz metaforizirovannyx pokazatelej

bezrazlichiya v russkom i anglijskom yazykax // Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty. – Volgograd-Arxangel'sk: Peremena, 1996. – С. 16–25.

7. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metod). Monografiya. – М.: Izd-vo RUDN, 1997. – 331 s.

8. Gak V.G. Ob ispol'zovanii idei asimmetrii i simmetrii v yazykoznanii // Leksicheskaya i grammaticeskaya semantiki romanskix yazykov. Materialy IV Vsesoyuznoj konferencii po romanskomu yazykoznaniju. – Kalinin. – Kalininskij gos. un-t. – 1980. – С. 4–51.

9. Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. – М.: Sov. Pisatel', 1988. – 448 s.

10. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniju (Seriya «Yazykovedy mira»). – М.: Progress, 1984. – 398 s.

11. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoj kul'tury. – М.: Progress, 1985. – 450 s.

12. Karasik V.I. Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: «Peremena», 2002. – 476 s.

13. Karaulov N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – М.: Nauka, 1987. – 262 s.

14. Kacnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie // Kacnel'son S.D. Obshhee i tipologicheskoe yazykoznanie. – L.: Nauka, 1986. – С. 9–86

15. Komlev N.G. Komponenty soderzhatel'noj struktury slova. – М.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1969. – 192 s.

16. Litvin F.A. Mnogoznachnost' slova v yazyke i rechi. – М.: Vysshaya shkola, 1984. – 119 s.

17. Lich Dzh. K teorii i praktike semanticheskogo e'ksperimenta // novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. XIV: Problemy i metody leksikografii. – М.: Progress, 1983. – С. 108–132.

18. Moreva G.G. Nekotorye zakonomernosti funkcionirovaniya priblizitel'nyx nominacij vo francuzskom yazyke // Edinstvo sistemnogo i funkcional'nogo analiza yazykovyx edinic (iz opyta izucheniya i prepodavaniya inostrannyx yazykov). – Materialy mezhvuzovskoj konferencii. – Belgorodskij pedinstitut im. M.S. Ol'minskogo. – Belgorod, 1988. – С. 128–129.

19. Pristin'skaya T.M. Vyrazhenie znacheniya priblizitel'nosti v sovremennom nemeckom yazyke // Edinstvo sistemnogo i funkcional'nogo analiza yazykovyx edinic (iz opyta izucheniya i prepodavaniya inostrannyx yazykov). Materialy mezhvuzovskoj konferencii Belgorodskogo pedinstitut. – Belgorod, 1988. – С. 159–162.

20. Nikitina T.G. Molodezhnyj sleng. Tolkovij slovar'. – М.: Astrel' – АСТ, 2003. – 912 с.

21. Olyanich A.V. Glagol'naya oligosemiya v sovremennom anglijskom yazyke (lingvisticheskij status i semanticheskie karakteristiki). – Diss. ... kand. filol. nauk. – Орел, 1988. – 280 с.

22. Saxno S.L. Priblizitel'noe imenovanie v estestvennom yazyke // voprosy yazykoznanija. – 1983. – № 6. – С. 29–36.

23. Sentenberg I.V. Leksicheskaya semantika anglijskogo glagola. – Учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1984.

24. Sil'nickij G.G. Semanticheskie klassy glagolov v anglijskom yazyke // Учебное пособие к спецкурсу. – Смоленск, 1986. – 112 с.

25. Sirotnina O.B., Kormilicyna M.A. Nacional'nye yazykovye i individual'nye rechevye kartiny mira // Dom bytiya. Al'manax po antropologicheskoy lingvistike / Pod red. Boruxova B.L. i Sedova K.F. Vyp. 2 – Saratov: Izd-vo SGPI, 1995. – С. 15–18.

26. Slobin D. Psixolingvistika // Slobin D., Grin Dzh. Psixolingvistika. – Obshhestvennye nauki zav rubezhom. Filosofiya i sociologiya. – M.: Progress, 1976. – S. 19–215.
27. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. – 824 s.
28. Stermin I.A. Obshhenie i kul'tura // Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kul'tury. – Ekaterinburg: Argo, 1996. – S. 13–21.
29. Chejff U.L. Znachenie i struktura yazyka (seriya «Yazykovedy mira»). – M.: Progress, 1975. – 432 s.
30. Shejgal E.I., Olyanich A.V. Tipy semanticheskix peregrupirovok pri perevode informativno-nasyshhennyx glagolov // Perevodcheskie aspekty сопоставitel'nyx issledovanij. – Perm', 1988. S. 45–55.
31. Gove P.B. Problems of Defining. – In: Shera J.H. et al. Information Systems in Documentation. – 1987. – N.Y. – P. 3–14.
32. Miller G.A. Language and Communication. – N.Y., 1951.
33. Tesniere L. Elements de Syntaxe Structurale. – Paris, 1982.
34. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

UDC 81

PRESENTEM IN THE LEXICAL-SEMANTIC STRUCTURE OF A VERB AS A WAY TO DISCOURSE FORMATION AND DISCOURSE UNFOLDING

**(On The Basis Of Verbal Signs
in Russian Youth Slang)**

Olyanich Andrey Vladimirovich,

Head of Foreign Languages Department,
Volgograd State Agricultural University,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd, Russia,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Annotation

The article discusses the lexical-semantic phenomenon of informative linguistic lexical units (verb) in terms of their participation in the processes of discourse formation and discourse unfolding, especially in part where the discourse demonstrates its presentation abilities in relation to the accumulation of information through the discursive formation of special units – presentems. Discussed is the conceptual twofold focus which is, that presentem as a sign denotatively introducing the concept of a discursive turn, and as an entity, to evaluate this concept, thereby programming the very course of discourse.

Key words:

verb, discourse, sign, informative saturation, concept, cumulative, presentem.